

УДК 316.454.3

DOI: 10.34670/AR.2021.12.92.005

Концепт «толпа» в российской юридической психологии дореволюционного периода

Горбатов Дмитрий Сергеевич

Доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной
социальной психологии и конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
12 линия В.О., 13А;
e-mail: gorbатов.rus@gmail.com

Агафонова Вера Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры прикладной
социальной психологии и конфликтологии,
Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
12 линия В.О., 13А;
e-mail: agver@rambler.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке из средств внутреннего гранта СПбГИПСР в рамках проекта «Психология стихийных социальных объединений».

Аннотация

В статье описывается, что коллективная психология, претендовавшая в конце XIX – начале XX веков на ранг самостоятельной науки о социальных объединениях, допускала чрезмерную генерализацию понятия толпы, не критичность в распространении происходящих в ней процессов на иные общности людей, а также отличалась преуменьшением индивидуальных различий членов толп и преувеличением силы феноменов заражения, подражания и внушения. Субъективизм интерпретаций, пробелы в эмпирических доказательствах и ряд методологических ошибок воспрепятствовали реализации данного подхода. Однако теории толпы, разработанные в русле коллективной психологии, получили отражение в уголовном законодательстве Российской империи в части установления ответственности за массовые преступления. Негативные коннотации стихийных объединений в трудах Г. Лебона, С. Сигеле, Г. Тарда, П. Росси сыграли существенную роль при выделении «скопища», «одухотворенной толпы» как коллективного субъекта преступного поведения, что стало несомненным шагом назад в развитии отечественной юриспруденции.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбатов Д.С., Агафонова В.В. Концепт «толпа» в российской юридической психологии дореволюционного периода // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 5А. С. 39-45. DOI: 10.34670/AR.2021.12.92.005

Ключевые слова

Толпа, свойства толпы, влияние на личность в толпе, коллективная психология, юридическая психология, массовые преступления, уголовная ответственность за массовые преступления.

Введение

В конце XIX века в западноевропейской общественной науке сформировалось направление, претендовавшее на предметную область между классической психологией и социологией. Согласно С. Сигеле, если психология преимущественно ориентирована на индивидов, а социология – на стабильные социальные объединения, то коллективная психология должна изучать многочисленные общности, на которые «не распространяются» закономерности иных наук в силу «неоднородности» вовлеченных людей и отсутствия «органической связи» между ними [Сигеле, 1893]. По мнению П. Росси, изучению подлежали любого рода собрания, где состоялось духовное объединение до уровня «коллективной синестезии», сплава идей и переживаний такой силы, которая приводит к нивелировке индивидуальных различий [Rossi, 1904]. Предполагалось, что коллективная психология сосредоточится не только на исследованиях уличной толпы и митингующей массы, но и различных общественных форумов, научных конгрессов, театральной публики, коллегий присяжных, парламентских ассамблей и любых иных объединений, где эмоции способны взять верх над разумом.

Объяснительный потенциал данного направления оказался недостаточным для его существования в качестве самостоятельной науки, однако коллективная психология оказала заметное влияние на взаимоотношения личности и государства, властной элиты и общества, привилегированных и угнетенных.

Основная часть

Стремление отстоять правомерность коллективной психологии в полемике с представителями других общественных наук продиктовало ее адептам пять взаимосвязанных стратегий, а именно:

-использовать в качестве базового концепта толпу, которая до этого считалась примитивным объединением, характеризующимся слабой организованностью как реакцией ведомых на деструктивную активность ситуативных лидеров. Теперь же это понятие приобретало объяснительную универсальность, так как «все современное устройство – со всей своей ложью, несправедливостью, со всей красотой и поэзией, фанатизмом и лирикой, мятежами, безумцами, героями и святителями духа – течет по законам скоротечной жизни толпы» [Войтоловский, 1912, 171];

-чрезмерно расширять предметное поле новых исследований, относя к категории толп большинство социальных образований на том основании, что в них проявляются схожие тенденции в процессе формирования «коллективной души». Показательно, что Г. Лебон

именовал толпой «секты» (религиозные, политические и преступные организации), собрания (коллегию присяжных, парламентскую ассамблею), сословия (военных, духовенство) и даже классы (буржуазию, крестьянство) [Лебон, 1896, 282];

-преувеличивать влияние на личность феноменов подражания, заражения и внушения, в том или ином сочетании будто бы способных превратить благонамеренного гражданина в дикаря, зверя, сумасшедшего или преступника. Таким образом, члены толпы рассматривались в качестве ее самых первых жертв, «потерпевших кораблекрушение от психологической бури, которая увлекла обвиняемых без их ведома» [Сигеле, 1893, 1];

-для объяснения масштабов влияния подобного «психологического контагия» преуменьшать текущие индивидуальные различия в пределах толпы, находя предпосылку к этому в популярном суждении Т. Гоббса: «в каждом живет зверь, действия которого сдерживаются нравственными мотивами, частью прирожденными, частью же развитыми путем воспитания» [Случевский, 1893, 33]. Провозглашалось, что животное начало природы современного человека, казалось бы, навсегда скрытое в бессознательных глубинах психики, неожиданно и резко актуализируется в условиях толпы;

-описывать толпу с отчетливо негативной коннотацией, выставляя ее «бешеным несдержанным зверем, слепой игрушкой своих инстинктов», «низшим беспозвоночным, чудовищным червем, извивающимся в беспорядочных движениях даже после отделения головы» [Тард, 1893, 10]. Интересно, что ряд adeптов коллективной психологии, отрицавших априори преступный характер толпы, заметно чаще приводили примеры криминальных, но не просоциальных действий стихийных объединений [Лебон, 1896; Rossi, 1904; Войтоловский, 1912].

В итоге совокупная «душа толпы» наделялась чертами моноидеизма или «одноцельности»; внушаемости до коллективных галлюцинаций; возбудимости, переходящей в жестокость; нескритичности восприятия событий и поступков; рефлекторности реакций; переменчивости настроений; экстремальности действий; переживаний могущества, безнаказанности и самолюбования; склонности к стадной подчиненности [Горбатов, Байчик, 2018]. В качестве обоснований использовались нередко тенденциозные описания историков, мнения социальных философов, личные наблюдения очевидцев и отдельные сведения, заимствованные из физиологии, биологии, психиатрии, практики гипнотизма и криминальной статистики.

Субъективизм трактовок, пробелы в эмпирических обоснованиях и серия серьезных методологических ошибок привели к тому, что коллективная психология вначале утратила шансы на развитие в качестве самостоятельной науки, а затем оказалась почти полностью забыта и как научное направление. Чуть ли не единственным напоминанием о ней осталось описание активности стихийных объединений как «коллективного» поведения или действия. Однако она успела оказать влияние на динамику юридической мысли начала XX века в части ответственности за массовые преступления.

Так, составители Уголовного уложения Российской империи 1903 года различали толпу и «скопище», используя первое понятие как родовое, а второе – как видовое. Таким образом, «скопище» считалось «толпой», но не всякая «толпа» представляла собой «скопище» [Новое уголовное уложение..., 1903]. Согласно В.П. Ширкову, под «скопищем» подразумевалось не просто множество людей, но социальный итог слияния их личностей, стихийная общность, характеризующаяся почти полным тождеством действий, мыслей и чувств [Ширков, 1904]. Именно его последователи коллективной психологии ранее описали как единое «колоссальное существо», организм примитивного порядка, «одухотворенную» толпу, всецело

подчиняющуюся законам «духовного единства». Собственно же «толпа» выступала в качестве агрегации, механического соединения индивидов единством времени и места присутствия, с отсутствием характерной «электризацией искрой страсти» [Tarde, 1891, 344].

По комментарию Д.Д. Безсонова, составители Уголовного уложения ориентировались не на психологические отличия этих стихийных групп, а на специфику состава преступления, выражающуюся в опасности для государственной стабильности или общественного благополучия [Безсонов, 1907]. Отчасти такое суждение справедливо: там, где речь шла, например, о цели «выразить неуважение Верховной власти или порицание установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола или заявить сочувствие бунту или измене или лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние...» (ст. 121) упоминалось именно «скопище». Такой же термин применялся и в статьях, описывающих отказ разойтись по требованию полицейской власти (ст. 120), а также совершение насилия над личностью, похищение или порчу чужого имущества вследствие религиозной, племенной или сословной вражды (ст. 122). Что же касается «толпы», то о ней говорилось только при менее тяжких деяниях, таких как «умышленное надругательство над публично выставленным государственным гербом... дружественного России государства» (ст. 136) или «учинение шума, крика или иного бесчинства в публичном месте или общественном собрании» (ст. 262) [Новое уголовное уложение..., 1903].

Отметим в качестве принципиального следующее: если «толпа» рассматривалась в Уголовном уложении в контексте отягощения вины (ст. 75, 136, 262), то «скопище», фактически, воспринималось как коллективный субъект преступного поведения (ст. 120 – 123). Простая принадлежность к нему, физическое присутствие (за исключением невменяемых по болезни лиц или тех, кто мог документально обосновать случайность появления на месте происшествия [Пусторослев, 1907]), служили основанием для уголовного преследования. При таком подходе следствию и суду не было необходимости искать виновников массового преступления или доказывать криминальность побуждений каждого участника «скопища». Было достаточно установить факт пребывания в нем и преступность умысла всего стихийного объединения как такового. Внешне вполне «научное» представление о природе «духовного единства» в русле коллективной психологии автоматически порождало выводы об общности вины собравшихся [Горбатов, Большаков, 2015].

При этом, фактически, прервалась проявившаяся в отечественном правоведении дореволюционного периода [Безсонов, 1907; Обнинский, 1893; Случевский, 1893; и др.] тенденция изучения психологических мотивов и социальных факторов буйства толпы. Один из ее ярких выразителей – бывший прокурор московского окружного суда П.Н. Обнинский – подводил насильственные действия участников холерных бунтов под юридические понятия «ошибки», «обмана», «непреодолимого от превосходящей силы принуждения», в частности, указывая, что только «страх перед неминуемой гибелью, чувство самосохранения, глубоко осознанная необходимость самообороны – вот что управляло этими массами» [Обнинский, 1893, 10]. Согласно его позиции, обезумевшая толпа, нападая на медиков и полицию, лишь защищалась, так как в силу тотального невежества оказалась податлива к нелепым слухам, что «господа, чтобы не отдавать крестьянам по ожидаемому царскому указу своих земель, задумали морить народ: из подозрительной трубы пускают они в него холерную шмару; доктора и полиция ими подкуплены; ... живых засыпают известкой и кладут в гробы; отравляют реки и колодцы; строят какие-то холерные бараки и в них разводят холеру; заготавливают багры и крючья, чтобы таскать туда здоровых людей; а никакой холеры нет, а если бы и пришла, то противиться божьему

изволению грех» [Обнинский, 1893, 4-5]. Однако готовность бороться с вековой отсталостью народа и дух гуманизма, которыми была проникнута статья П.Н. Обнинского, не могли заменить социального диалога, отсутствие которого уже через четверть века после описанных им событий вызвало самую масштабную эпидемию «нравственной заразы» в российской истории.

Заключение

Влияние доктрины преступности стихийных объединений в коллективной психологии конца XIX – начала XX вв., разумеется, не было единственной причиной того, что отечественная юриспруденция сделала шаг назад в своей эволюции, вернувшись к средневековому тезису о наличии совокупного субъекта преступления. Очевидно, что ключевую роль сыграла необходимость правового реагирования на многочисленные массовые беспорядки – холерные бунты, еврейские погромы, солдатские и матросские мятежи, волнения крестьянства, выступления пролетариата, где индивидуальная вина редко поддавалась бесспорной и однозначной идентификации. Проявилось влияние и негативного образа толпы, сформировавшееся в общественном мнении того времени под влиянием трудов историков французской революции и Парижской коммуны, европейских литераторов, социальных философов, популярных публицистов, мемуаров современников. Даже те из них, кто поддался очарованию трагических событий, неизменно указывали на опасность, исходящую от пятой, по выражению М. Горького, великой стихии.

В то же время необходимо констатировать, что коллективная психология выступила концептуальной основой для вполне легитимного распространения на всех и каждого «общей вины». Косвенными итогами стремления основоположников данного направления продемонстрировать его право на существование и развитие стало обоснование допустимости насилия по отношению к заведомо «преступной» толпе, подкрепление отказа власть имущих от учета требований народных масс, а также отрицание истеблишментом своей ответственности за усиление социальной розни.

Библиография

1. Безсонов Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб., 1907. 480 с.
2. Войтоловский Л.Н. Очерки психологии коллективизма // Современный мир. 1912. № 12. С. 153-171.
3. Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Феномен толпы в российской юридической психологии конца XIX – начала XX века // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 16-23.
4. Горбатов Д.С., Байчик А.В. Критика теории толпы Г. Лебона: историко-психологический аспект // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 137-146.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896. 329 с.
6. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903. СПб., 1903. 254 с.
7. Обнинский П. Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. Кн. 1. С. 1-14.
8. Пусторослев П.П. Преступность, виновность и вменяемость // Журнал министерства юстиции. 1907. № 4. С. 77-114.
9. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1893. 116 с.
10. Случевский В.К. Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 4. С. 5-38.
11. Тард Г. Преступления толпы. Казань, 1893. 44 с.
12. Ширков В.П. Преступления толпы по новому уголовному уложению (конструкция ответственности) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 3. С. 90-124.
13. Rossi P. Sociologia e psicologia collettiva. Roma: C. Colombo, 1904. 240 p.
14. Tarde G. La philosophie pénale. Lyon: A. Storck; Paris: G. Masson, 1891. 552 p.

The Concept of Crowd in the Russian Legal Psychology of the Pre-Revolutionary Period

Dmitrii S. Gorbatov

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Professor of the Department of Applied Social Psychology
and Conflictology,
Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
199178, 13A, 12th line of Vasilievsky Island,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gorbatov.rus@gmail.com

Vera V. Agafonova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Applied Social Psychology
and Conflictology,
Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
199178, 13A, 12th line of Vasilievsky Island,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: agver@rambler.ru

Abstract

At the end of the 19th century, a direction was formed in Western European social science that claimed to be a subject area between classical psychology and sociology. The research presented in the article describes that collective psychology, which claimed to be an independent science of social associations at the end of the 19th – early 20th centuries, allowed excessive generalization of the concept of a crowd, uncriticism in spreading the processes taking place in it to other communities of people, and also differed in downplaying individual differences of members of crowds and exaggerating the power of the phenomena of infection, imitation and suggestion. Subjectivism of interpretations, gaps in empirical evidence and a number of methodological errors prevented the implementation of this approach. However, the theories of crowd, which were developed in line with the collective psychology, were reflected in the criminal legislation of the Russian Empire in terms of establishing responsibility for mass crimes. The negative connotations of spontaneous associations in the works of G. Lebon, S. Siegel, G. Tard, P. Rossi played a significant role in identifying the “skopishche”, the “spiritualized crowd” as a collective subject of criminal behavior, which was an undoubted step backward in the development of Russian jurisprudence.

For citation

Gorbatov D.S., Agafonova V.V. (2021) Kontsept «tolpa» v rossiiskoi yuridicheskoi psikhologii dorevolutsionnogo perioda [The Concept of Crowd in the Russian Legal Psychology of the Pre-Revolutionary Period]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 10 (5A), pp. 39-45. DOI: 10.34670/AR.2021.12.92.005

Keywords

Crowd, properties of the crowd, influence on the personality in the crowd, collective psychology, legal psychology, mass crimes, criminal liability for mass crimes.

References

1. Bezsonov D.D. (1907) *Massovye prestupleniya v obshchem i voenno-ugolovnom prave* [Mass crimes in general and military criminal law]. St. Petersburg.
2. Gorbatov D.S., Bol'shakov S.N. (2015) Fenomen tolpy` v rossiiskoi yuridicheskoi psikhologii kontsa XIX – nachala XX veka [The phenomenon of the crowd in the Russian legal psychology of the late 19 – early 20 centuries]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 2, pp. 16-23.
3. Gorbatov D.S., Baichik A.V. (2018) Kritika teorii tolpy G. Lebona: istoriko-psikhologicheskii aspekt [Criticism of the theory of the crowd of G. Le Bon: Historical and psychological aspect]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 3, pp. 137-146.
4. Le Bon G. (1896) *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of nations and masses]. St. Petersburg.
5. (1903) *Novoe ugovnoe ulozhenie, vysochaishe utverzhdennoe 22 marta 1903* [The New Criminal Code, Most Highly Approved on March 22, 1903]. St. Petersburg.
6. Obninskii P. (1893) Contagion morale i kholernye besporyadki [Contagion morale and cholera riots]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava* [Journal of Civil and Criminal Law], 1, pp. 1-14.
7. Pustoroslev P.P. (1907) Prestupnost', vinovnost' i vmenyaemost' [Crime, guilt and sanity]. *Zhurnal ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice], 4, pp. 77-114.
8. Rossi P. (1904) *Sociologia e psicologia collettiva*. Roma: C. Colombo.
9. Shirkov V.P. (1904) Prestupleniya tolpy po novomu ugovnomu ulozheniyu (konstruktsiya otvetstvennosti) [Mob crimes under the new Criminal Code (construction of responsibility)]. *Zhurnal ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice], 3, pp. 90-124.
10. Sighele S. (1893) *Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii* [The criminal crowd. The experience of collective psychology]. St. Petersburg.
11. Sluchevskii V.K. (1893) Tolpa i ee psikhologiya [The crowd and its psychology]. *Knizhki nedeli* [Books of the Week], 4, pp. 5-38.
12. Tarde G. (1891) *La philosophie pénale*. Lyon: A. Storck; Paris: G. Masson.
13. Tarde G. (1893) *Prestupleniya tolpy* [Crimes of the crowd]. Kazan.
14. Voitlovskii L.N. (1912) Ocherki psikhologii kollektivizma [Essays on the psychology of collectivism]. *Sovremenniy mir* [Modern World], 12, pp. 153-171.